

ШВЕДСКИЕ "ДЕРЖАВЦЫ" И РУССКИЕ ВОЕВОДЫ НА СТРАЖЕ РУБЕЖЕЙ: ОТ СТОЛБОВСКОГО ДО КАРДИССКОГО МИРА (ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)

Столбовский мирный договор, заключённый между Швецией и Россией 27 февраля 1617 г., закрепил новую границу, и это обстоятельство потребовало от правительств обеих стран приложить немало сил для налаживания жизни в приграничье. Задачи оперативного управления в порубежных землях выполняли русские воеводы и коменданты шведских крепостей, в русских документах именуемые "державцами". Эти представители государственной власти общались друг с другом посредством переписки, "соседственно" решая самые различные вопросы: торговые, транспортные, протоколно-административные; обеспечивали проезд полномочных послов, организовывали обмен перебежчиками и т.д. [24, с. 149].

Задача статьи - на основе материалов российских архивов рассмотреть политику шведских и русских властей в приграничных землях в период от подписания Столбовского мирного договора до заключения мира в Кардисе (1661 г.) - в годы, когда проходило становление границы.

Основной комплекс документов, повествующих о мероприятиях, проводимых приграничными властями в эти годы, находится в Российском государственном архиве древних актов (фонд 96 - "Сношения России со Швецией"). Здесь особый интерес для изучения отношений в порубежных землях представляют отписки русских воевод приграничных городов в Посольский приказ и царские грамоты к воеводам о различных пограничных делах. Богатый материал, также освещающий взаимодействие русских воевод с царским правительством и шведскими "державцами", содержат фонд 109 ("Порубежные акты") и коллекция 2 (Коллекция актовых книг), хранящиеся в архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук [25, с. 343-345].

Граница, установленная в соответствии с условиями Столбовского мира, разрешила земли на северо-западе Московского царства на шведскую и российскую стороны, и контакты между разделёнными пограничной чертой людьми - родственные, приятельские, деловые - теперь становились элементом русско-шведских отношений. Это обстоятельство во многом определило возникшие между Швецией и Россией новые приграничные проблемы.

Значительные трудности для приграничных властей создавали следующие обстоятельства. Проведение линии границы заняло продолжительное время [21, с. 31-36], а для организации её надёжной обороны зачастую не хватало сил и средств [8, л. 1]. Приграничные заставы на рубежах поначалу появляются лишь из-за угрозы эпидемии - "морového поветрия" [28, с. 94-95], по окончании которого многие заставы убирали; в некоторых приграничных районах застав не было вовсе [3, л. 47; 4, л. 2]. Подобное положение способствовало активизации нелегальных контактов людей, населяющих земли по обе стороны пограничного рубежа.

Значительные трудности для шведских приграничных властей представляла общность религии разделённых границей людей. По условиям договора, большая часть населения, проживавшего на уступленных Швеции российских территориях, обязана была остаться жить на прежнем месте. В течение двух недель со дня подписания Столбовского мира лишь монахам, дворянам и горожанам дозволялось идти "куда похотят": они могли выбрать, подданным какого монарха стать. Однако "всем уездным попам и пашенным людям" предписывалось остаться на месте жительства и "никоторыми обычаи отголе не выходить, и с своими женами и с детьми, и с домочадцы остатись тут, и жить под Свейскою короною" [27, с. 152-153]. Шведские власти не могли допустить, чтобы крестьянское население покинуло обрабатываемые земли. Несмотря на неоднородный этнический состав, жители отошедших к Швеции территорий в значительной своей части исповедовали православие [31, с. 143], и приходские священники, по мнению шведских властей, должны были способствовать удержанию своей паствы на ставших теперь шведскими территориях. Действенность этой меры, направленной на удержание в Швеции православ-

ного населения, подтверждается, в частности, рассказом жителя Ивангорода, оказавшегося вскоре после заключения Столбовского мира в числе перебежчиков со шведской стороны. Он поведал задержавшим его русским властям о судьбе своего отца, которого шведы не отпустили в русские пределы "для того, что отец ево поп, и многие русские люди были у него дети духовные, и для того остались многие русские люди" [17, стб. 479]. Шведская администрация на полученных от России территориях стремилась сразу же поставить под свой контроль православных священников [29, с. 32], и те зачастую даже слишком рьяно трудились на благо Швеции, стараясь заслужить у новой власти хорошую репутацию. В 1620 г. дьячѣк Лопского погоста Иванко Борисов "подозвал к себе за рубеж в Ореховский уезд" своего племянника Иванко Герасимова, не имевшего средств существования - "детей его учить грамоте". "А хотел его назад отпустить повольно". Когда в Лопский погост приехал "Орешковский державец", дьячѣк упросил того царского подданного Иванко Герасимова "сковать в железа, для того, чтоб ему крест целовать свейскому королю" [2, л. 246].

Российские власти, в свою очередь, ожидали от оказавшегося под властью шведского короля православного духовенства действий, направленных на переманивание в русские пределы шведских подданных, исповедовавших православие. Царь призывал священников "крепко и мужественно" сдерживать попытки населения переметнуться в две недели, выделенные для свободного выхода, к "иноверцам": ведь оказавшиеся на шведской стороне "душами своими от Бога во веки погибнут". В царской грамоте чувствуется некоторая неуверенность в том, что православная вера способна крепко привязать исповедующих её людей именно к российской территории. Слишком часто упоминается о "царской милости" и "царском милосердии" вперемешку с запугиванием относительно ненадёжности благ, обещанных шведами [11, с. 450-451].

Уже после окончания срока выхода, тесную духовную связь прихожан со священниками пытался использовать для переманивания в русские земли шведских подданных, исповедовавших православие, новгородский митрополит, создававший невыносимый психологический климат для православных священников, приезжавших в Великий Новгород из Швеции за благословением. Владыка "их проклинает и называет отметчики и говорит: только бы они оттуда поехали на царскую сторону - смотря на них и крестьяне бы перешли, а коли они там остались, и на них смотря, и крестьяне там же остались" [32, с. 82].

Усилия шведских приграничных властей, направленные на пресечение бесконтрольного общения православных шведских подданных и православного духовенства из России не увенчались успехом. В 1649 г., шведы открыто грозились вешать прямо на рубеже тех "попов", которые с русской стороны приезжают в шведскую сторону и королевских подданных "крестят в русскую веру тайно" [32, с. 209]. Но и в 1661 г. шведский "державец" возмущаясь, "каким обычаем" русский поп и пономарь были "за рубежом у немецких людей" и проводили церковную службу на шведской территории, отослал священнослужителей обратно в русские земли с наказом: чтобы "таким обычаем опять не приехали". Но поп и пономарь "ныне опять внове своим церковным строем в ризах и во всей службе объявились" и у шведских подданных "дети крестили и людей венчали <...> и мертвых похоронили и обедню служили" [6, л. 5 об.].

Зримым проявлением наступившего мирного времени была активизация торговли, которая становилась наиболее важной формой контактов между русскими и шведскими подданными. Экономические интересы обоих государств требовали развития торговых связей, и центральные правительства прямо указывали приграничным властям - способствовать установлению основательного коммерческого общения между подданными соседних стран [30, с. 62]. Наряду с усилиями правительств по налаживанию взаимовыгодной свободной торговли, опирающейся на межгосударственные соглашения, широкий размах получили торговые операции, осуществлявшиеся подданными обеих стран в обход существующих законов. Этому во многом способствовало фактическое неисполнение органами государственной власти обеих стран утверждённых торговых ограничений. В периоды политического сближения обе стороны подчас готовы были не замечать разрастания контрабандной торговли, нуждаясь в поддержке союзника на международной арене [22, с. 48-49]. Играло определённую роль также ставшее почти прави-

лом корыстолюбие таможенных служителей и представителей приграничных властей [13, с. 215]. С одной стороны, оно усложняло торговые отношения между русскими и шведскими подданными; в то же время взятка могла сыграть роль своего рода "пропуска", открывавшего двери беспошлинной торговле.

Успеху торговли в обход законов способствовали длительные контакты между приграничными жителями, которые с помощью соглашений о мире на границе постоянно поддерживали коммерческие контакты. Для многих пограничная торговля была едва ли не важнейшим источником средств существования. В этих обстоятельствах важно было обеспечить непрерывность торговых и транспортных связей: люди по обе стороны границы осознавали, что нуждаются друг в друге, следствием чего было сильное чувство взаимозависимости [26, с. 51]. Учитывая эти обстоятельства, правительства и России, и Швеции зачастую фактически не предпринимали серьёзных попыток воспрепятствовать традиционным торговым контактам порубежных жителей, нуждаясь в их лояльности [22, с. 48-49, 85, 90].

О том, что контакты приграничных жителей были постоянными, повествует, в частности, сообщение с русской заставы, которую в 1650 г. попытались миновать без проезжих грамот пришедшие со шведской стороны "латыши" - то есть шведские подданные, исповедовавшие лютеранство. Русский заставной голова докладывал, что когда "латышей" стали отсылать назад, они стали угрожать в следующих выражениях. "Коли <...> ты их королевских крестьян на государеву сторону чисто не пропустишь, и они <...> не хотят пропускать и государевых крестьян" на шведскую сторону. В итоге русские приграничные воеводы строго указали заставной страже, чтобы впредь тех царских крестьян, которые живут рядом со шведским рубежом, не пропускать без проезжих грамот в шведские пределы, равно как и королевских подданных не пропускать в русскую сторону без документов, полученных от шведских властей [12, с. 128]. Налицо картина систематического свободного передвижения подданных соседних государств через границу по взаимной договорённости, без учёта требований собственных приграничных властей. Обращает на себя внимание наличие тесных контактов людей различных вероисповеданий и этнических групп. Эти различия не являлись значительным препятствием для прагматического общения. Оказать услугу желающим пересечь рубеж, но плохо знающим пути, были готовы проводники из числа местных жителей. В определённые периоды дипломатических отношений России и Швеции, когда главным становилось стремление к тому, чтобы "меж государи ссоры не было", уличённых в контрабанде "зарубежных людей" не подвергали практически никакому наказанию, а только "с миром" отсылали обратно [18, с. 234]. В этой связи становится понятным, почему при попытках приграничных властей, после долгих лет попустительства контрабанде, действовать по закону и строго препятствовать переходу границы, провозу товаров через рубеж порубежные жители вступали в самые настоящие бои с таможенными чиновниками: "объезжая заставы окольными дорогами <...> проезжали со многими людьми за рубеж <...> сильно и целовальников на заставах били" [19, с. 303].

Не в последнюю очередь активные контакты в приграничье определялись родственными связями между людьми, оказавшимися по разные стороны рубежа. И русские, и шведские приграничные власти осознавали эту проблему и пытались урегулировать слишком тесное общение родственников, ибо с трудом поддающиеся контролю миграции осложняли межгосударственные отношения. Вполне естественным было желание навестить своих детей в соседней стране [6, л. 67], но это могло в итоге обернуться запретом родственникам общаться без ведома властей. Властям, ответственным за положение в приграничье, предписывалось добиваться, чтобы родственники "мимо застав не проходили и тайно не прокрадывались" [9, л. 1], да и "для чего без дела ходить, только от них ссора живет" [16, с. 400].

Родственные и приятельские связи жителей приграничья способствовали появлению практики переманивания подданных соседнего государства на земли, подвластные собственному государю. Эта проблема нашла отражение в русско-шведском дипломатическом диалоге. Уже в ходе переговоров в Столбово шведы высказали опасение, что русские станут переманивать на свою сторону население с тех территорий, которые царь собирался уступить королю Швеции

[32, с. 7], и в тексте мирного договора нашёл отражение запрет как русским, так и шведским подданным "подзывать и подговаривать" людей к переходу на свою сторону [27, с. 162-163]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот же запрет был повторён в Валиесарском (1658 г.) и Кардисском (1661 г.) договорах [20, с. 470, 538]. Таким образом, проблема переманивания подданных в русско-шведских отношениях долгое время не теряла своей остроты.

С завершением вооружённого противостояния России и Швеции в 1617 г., наряду с налаживанием тесных торговых и политических связей, прерванных лишь непродолжительными военными действиями в 1656-1658 гг., между странами шла необъявленная война за население, за человеческий ресурс. В русско-шведских отношениях особую остроту приобрела проблема незаконного перехода населения в соседнюю страну с целью обосноваться там - проблема перебежчиков. Учитывая достаточную прозрачность границ и тесные контакты приграничных жителей, самостоятельно вступавших в отношения друг с другом, правительства обеих стран не имели возможности окончательно разрешить проблему противоречившего межгосударственным соглашениям перехода населения через границу - а подчас и не желали препятствовать таким передвижениям. Решение проблемы перебежчиков во многом зависело от позиции порубежных властей и жителей, так как правительства соседних стран-соперников, как уже отмечалось, остро нуждались в лояльности населения приграничья. Порубежное население было заинтересовано в пополнении своих рядов за счёт, в том числе, подданных соседней державы, а приграничные власти зачастую способствовали укрыванию перебежчиков на территории своего государства [22, с. 218].

Граница оказалась удобным способом для людей, оказавшихся по обе её стороны, избегать наказания за нарушение законов. Любой преступник, перебежавший в соседнее государство, получал возможность остаться безнаказанным, так как выдача его наталкивалась на бюрократические препоны. Попытка преследовать его за границей могла привести к дипломатическим осложнениям. Об этом повествует память заставному голове Ильинского погоста Осипу Насакину от 25 февраля 1659 г., в которой русские приграничные власти, касаясь вопроса о перебежчиках в шведские земли, велели, "чтоб гоняли за ними до рубежа, а за рубежом за беглецами не ходили" [7, л. 4]. В 1632 г. Корельский "державец" Индрик Монсон поймал царских подданных, промышлявших в королевских владениях изготовлением фальшивых русских денег. "И хотели их здесь за такое воровство казнить". Причиной, по которой в итоге "державец казнить их не велел", а выдал русским властям, послужило то обстоятельство, что фальшивомонетчики - царские подданные [5, л. 43].

Даже убийство человека за рубежом не позволяло казнить совершившего такое преступление подданного соседнего государства. В 1636 г. разгорелся международный скандал, связанный с грубым нарушением шведскими приграничными властями этого правила. В шведские земли приехал по своим делам сын боярский Иван Неелов. "И ненарошным делом во брани за сое бесчестье убил в Ореховском уезде царского величества перебежчика Ваську Семенова". Неелова посадили в заточение, а затем "королевина величества подданные того сына боярского Ивана Неелова на рубеже казнили наругая де позорным обычаем отсекли наперед руки и ноги и потом отсекли голову. И казнив покинули тело его на рубеже". Русские власти негодовали, что "казнить сына боярского за изменника, который перебежал с царской стороны, за худово человека не довелось" [1, л. 46-47]. Здесь дело осложнялось тем обстоятельством, что и казнённый убийца, и убитый были царскими подданными. В любом случае, приграничные власти не имели права даже допрашивать с пристрастием подданных соседней страны. В 1630 г. в шведском приграничье, в Зарецком погосте в деревне Орлине были убиты два "латыша". Подозреваемые в убийстве были задержаны русскими воеводами. Одним из обвиняемых оказался шведский подданный, Гаврилка Ижерянин - единственный из предполагаемых преступников, кто избежал пыток, "потому что он человек зарубежный" [3, л. 25].

Одной из причин бегства за рубеж было стремление избежать набора на военную службу или дезертировать с неё. В 1660-е гг. между русскими и шведскими пограничными властями завязалась переписка по поводу беглых солдат. Шведский генерал гневался, по какому праву

"царский подданный русской человек Матвей Михайлов со многими стрельцами через рубеж Кексгольмского уезду приходил и деревню Кавилсену разорил и двери ломал и в другой ряд такую мерою приезжал с пятью человек и поймал королевских трех мужиков и хотел с ними уехать". Русский воевода отвечал, что поручик Матвей был послан в Олонецкий уезд по царскому указу "для сыску беглых солдат <...> и он Матвей поймал беглых солдат дву человек капрала Сеньку да солдата Фадейка, которые своровав сбежали и в порубежной деревне укрываюся жили. И Матвей царских подданных в государя великого короля в порубежной деревне беглых солдат и сыскал". Узнав о причине вторжения русского отряда на королевскую сторону, шведский генерал отчитал своего русского коллегу: "По нашим рубежам русские беглые солдаты с стороны на сторону перебегают и держатца и всякое воровство чинят и тебе бы с русской земли надзирать <...> а не насильством ночью на наш рубеж приезжать и в королевских деревнях ворота и двери ломать" [6, л. 125 об.-126, 144 об., 147]. Близость слабо охраняемой границы давала значительный козырь в руки крестьян, желавших избежать набора на военную службу. В 1657 г. в Шуезерский погост был направлен для высылки солдат и драгун поручик Богдан Головин. Крестьяне собрали мирской сход, на котором решили: "стоять против ево за одно" и отбиться от Головина, а в крайнем случае уйти за рубеж [23, с. 262].

Подданные шведского короля также искали возможности уклониться от воинской службы путём бегства за рубеж. В 1622 г. трое шведских подданных "не захотя в Орешке в кнехтах быть", пробрались в русскую сторону [10, л. 1]. Подобная история произошла и 1628 г., когда псковские воеводы сообщали, что во Псков пришли три "немчина", которые "вышли из Свейские земли, из Выбора <...> а пошли де они из Выбора <...> для того, которых де немецких людей побили в литовской земле, и в тех де людей место ставят вольных и невольных людей и посылают де в немецкие полки" [14, с. 233].

По обе стороны границы были заинтересованы в увеличении количества земледельцев, поэтому охотно укрывали перебежчиков, в том числе, и беглых солдат. Приграничные власти отправляли для поимки беглецов сыщиков, но те зачастую действовали весьма неэффективно. В 1660-е гг. из Великого Новгорода солдаты "бегут беспрестанно, а сыщики тех солдат никоим обычаи нигде сыскать не могут, потому что беглые солдаты живут по лесам и бегают в разные места, а сыщики тем солдатам норовят, потому что они - одни новгородцы, друзья и хлебожцы" [15, с. 497].

Рассмотренные материалы показывают, что русско-шведская граница, установленная согласно условиям Столбовского мирного договора, предоставляла возможность подданным обеих стран взаимодействовать друг с другом, во многом игнорируя пограничные барьеры. По причине нехватки материальных и людских ресурсов укрепление границы проходило трудно, а стремление России и Швеции сохранять мирные отношения служило препятствием для приграничных властей обеих стран для применения слишком жёстких мер по противодействию нелегальному общению жителей приграничья.

Источники и литература

1. Российский Государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр II. 1617 г. Д. 15.
2. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр II. 1624. Д. 1.
3. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр II. 1630 г. Д. 1.
4. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр II. 1631 г. Д. 1.
5. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр II. 1632 г. Д. 1.
6. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее архив СПб ИИ РАН). Колл. 2 (Коллекция актовых книг). Оп. 1. Д. 28.
7. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109 ("Порубежные акты"). Оп. 1. Д. 251.
8. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 319.
9. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 634.
10. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 801.
11. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1841.
12. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1842.

13. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1842.
14. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.
15. Акты Московского государства. Т. 3. СПб., 1901.
16. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1836.
17. Дела Тайного приказа. Т. 4. Л., 1926 (Русская историческая библиотека. Т. 38).
18. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848.
19. Карелия в XVII веке: Сборник документов. Петрозаводск, 1948.
20. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830.
21. Жуков А.Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617-1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31-36.
22. Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003.
23. История Карелии с древнейших времён до середины XVIII века / Под ред. Брюсова А.Я. Петрозаводск, 1952.
24. Курсков Ю.В. Русско-шведские отношения в 40-50-х годах XVII века (межевые съезды 1642, 1652, 1654 годов) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1958. Вып. 3. С. 149-163.
25. Козинцева Р.И. Источники по истории русско-скандинавских отношений в архиве Ленинградского отделения института истории СССР // Исторические связи Скандинавии и России IX - XX вв.: Сборник статей. Л., 1970. С. 342-355.
26. Кокконен Ю. Безопасность, обеспеченная "снизу": Соглашения о мире на границе в период шведского правления в Финляндии с XIV века по 1809 год // Восточная Финляндия и Российская Карелия: Традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 48-52.
27. Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие: С приложением актов. СПб., 1857.
28. Селин А.А. Ладога при Московских царях. СПб., 2008.
29. Селин А.А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. Вып. 3. СПб., 2000. С. 29-36.
30. Шаскольский И.П. Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира // Скандинавский сборник. Вып. 11. Таллинн, 1966. С. 61-79.
31. Шаскольский И.П. Крестьянство Ингерманландии (Ижорской земли) в XVII в. // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 142-146.
32. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сб. материалов. М., 1897.